

Письма иерея

В ФЕВРАЛЕ исполнилось 135 лет, как градокузнецкой Одигитриевской Божией Матери церкви писатель Федор Михайлович Достоевский обвенчался с Марией Дмитриевной Исаевой. Этот день ежегодно отмечается в нашем крае.

Таинство брака совершалось священником Кузнецкого собора Евгением Тюменцевым, который не раз встречался с Федором Михайловичем. «Ф. М. бывал у нас дома раз десяток, — вспоминал Тюменцев, — пивали чай, когда и русскую... но в самом умеренном виде». Но и после церемонии бракосочетания связь между ними не прекращается.

В контексте памятной даты новые крупицы архивного материала о жизни Тюменцева в Кузнецке наполняются совершенно особым смыслом и весом. Не повторяя того, что уже написано учеными и краеведами о Тюменцеве, хотелось бы познакомить читателей с его эпистолярным наследием 1880-х гг., недоступным пока, пылящимся в архивных хранилищах. Наследие это рисует бытовые, неисследованные стороны жизни отца Евгения, круг его интересов и знакомств.

На первый взгляд покажется странным — какой интерес представляют письма священника из сибирской глубинки, пусть даже и венчавшего самого Достоевского? Но, во-первых, они показывают, что в бедном иерея даже на старости лет светилась искра познания, заметно было желание вырваться из болота провинциальной жизни. Читая письма, нельзя не обратить внимание, к примеру, на интерес автора к растениеводству, занятию тем, что мы сегодня называем селекцией. Когда это входило в обязанности священнослужителя? Во-вторых, такая ли уж это глубинка — Кузнецк 80-х годов XIX века, или и здесь творческая мысль рвалась наружи из оков быта? В-третьих, сам факт публикуемой сегодня частично переписки Е. И. Тюменцева с С. И. Гуляевым, который, в свою очередь, связан с лучшими умами края, свидетельствует о консолидации сибирской интеллигенции. И в-четвертых. Долгое время нам называли мысль, что сельские, городские приходские священники представляли собой неграмотную, мещансскую массу. Да, были и пьяницы среди них, и малограмотные хамы. Но ведь были и честные, гуманные лю-

ди, укреплявшие авторитет церкви. Наш корреспондент относился к последним.

Забегая вперед, скажем, что переложение архивных документов, приподнимающих завесу над малоизвестными сторонами жизни этого священника, скоро, возможно, будет опубликовано в буклете новокузнецкого искусствоведа-историка А. С. Шадриной о кузнецких днях Федора Достоевского.

А сегодня — о письмах Евгения Исааковича Тюменцева исследователю Сибири Стефану Ивановичу Гуляеву, одному из деятелей раннего сибирского краеведения.

С. И. Гуляев родился в селе Алейском Алтайского округа; по окончании Барнаульского горного училища служил в Петербурге. С 1859 года перевелся на службу в Барнаул, где очень скоро приобрел известность крупного краеведа. Много сделал по собиранию фольклорных материалов, старинных рукописей и книг и особенно много внимания уделял изучению производительных сил Алтайского горного округа, куда входила значительная часть современного Кузбасса. Он первый обратил внимание на залежи свинца и горного масла на Алтае, на минеральные источники, поднял вопрос об открытии заводов, изучал рыболовство, занимался культивированием в крае полезных растений и пр. Ему же обязан и ряд про мыслов в крае: изготовление плетеной мебели, плетенных шляп и, главным образом, шубное производство — благодаря открытому им способу окраски овчин, «барнаулки», о чем писала в свое время Сибирская Советская Энциклопедия.

Оказывается, такие частные вопросы, вроде «изготовления плетеных шляп», имеют самое непосредственное отношение к переписке с Тюменцевым, обнаженной одним из авторов.

М ТАК, письмо первое.

«Достоуважаемый Стефан Иоаннович!

Я, нисколько Вам незнакомый, осмысливаюсь Вам писать, надеясь на Ваше снисхождение. Уже давно слышу, что Вы страстный любитель всякого естествознания, имеете в Барнауле отличный сад. Это-то и дает мне повод и смелость обратиться к вам с покорнейшей просьбой. Сам я тоже понимаю в этом деле... немного; имею свой дом, садик

небольшой, парник и огород, лет двадцать занимаюсь всем понемногу... Обращаюсь к вам — пришлите корней десерток георгин, или и менее, да глоксинии через почту, я за все это Вам буду **очень** благодарен, да кроме сего, что будет все это стоить, немедленно Вам уплачу через почту. Из редких растений, по нашей местности, у меня имеются: ...кордалина, перолистная бегония, юкка, ...панкракция, кипарис, туя, лиродендрон, маркизины слезы, ...львиное сердце.., функия и пр., и пр... Особенно из них красуются фасоль с красными цветами и стручьями. Если у Вас есть какие редкости из оранжерейных или двухлетних, прошу, поделитесь.

Имею честь быть искренним благодателем Вашим и готовым к услугам города Кузнецка Томской губернии Одигитриевской церкви священник Евгений Тюменцев.

11 апреля 1880 года.

Ваш племянник Александр Гуляев, а наш ученик уездного училища, около полугода болен, теперь поправляется. С **старушкою** своею терпим большую нужду во всем.

Священник Евгений Тюменцев.

Достойны внимания и осмысления эти последние слова — горькие признания в «большой нужде во всем». Можно только догадываться, что жизнь священника не была сладкой.

Отметим, что аналогичная переписка — растения, саженцы и т. п. — велась С. И. Гуляевым и с другими замечательными людьми. Например, с миссионером-этнографом В. И. Вербицким.

Вот еще одно письмо Евгения Исааковича, сочиненное всего за месяц до его же широко известного послания преподавателю Томской семинарии А. Голубеву с воспоминаниями о венчании Достоевского. Примерно в это же время у Е. Тюменцева, по сообщению того же Александра Голубева, случился страшный пожар, истребивший дом и прочую домашность и обостривший и без того тяжелое положение священника.

«...Трава-загад — сбирается и инородцами в половине лета; растет, кажется, на всяком грунте, но более попадается на суглинке, у инородцев мог набрать оной фунта три, которые со следующей почтой имею честь вам доставить.

20 апреля 1884 года».

Возможно, речь идет о той «траве», по поводу которой исследователи творчества С. И. Гуляева сообщали любопытнейшие детали: «В 1883 году стало известно, что в Кузнецком округе растет трава, которую шорцы употребляют на

потники под седла, циновки, на обертку ног зимой и т. п. Трава годилась на мочало, для набивки тюфяков и можно было идти на выделку бумаги». Не исключено, что именно Тюменцев мог выступить в роли косвенного или прямого информатора С. И. Гуляева о полезных свойствах этого растения.

В послании С. И. Гуляеву автор предстает перед нами в новом качестве — как этнограф, интересующийся хозяйственной деятельностью населения.

Наконец, письмо третье. И снова — жалобы на неудобства быта:

«**Достоуважаемейшие** Стефан Иоаннович и Александра Филипповна!

Поздравляем вас с радостным праздником Рождества Христова, а "затем с новым 1886 годом; если же в 27-е сего декабря день Вашего Ангела, то и с днем Вашего Ангела. Молю Бога, да подаст он Вам здравие душевное и телесное, да сохранит Вас на многие лета!

Искренне благодарю Вас за присланное Вами; подарки неожиданны и не-заслуженные!.. Дома не устроили; живем в квартире, во всех отношениях неудобной. **Как же**, ни в саду, ни в огороде не доведется садить ничего.

Примите нижайше почтение и глубочайшее уважение от искренно преданного иероя Евгения Тюменцева.

Кузнецк Томской губернии 23 декабря 1885 года».

Вот так печально заканчивается следнее из сохранившихся писем С. Гуляеву: «**Как же** ни в огороде не доведется...». Достаточно прочесть **заключительное**, чтобы увидеть разницу в глазах контраст, необустроенных жизни **людей** в **бывавших** на **тяжелое существование** бывавшие к этому искренние признательности и сти, которыми буквально письма, трогательную любовь — и этот контраст станет еще...

Будем надеяться, что благодаря публикации лишь части писем удалось хотя бы нарисовать образ февраля 1886 года **надевшего** поэм венцы на головы Ф. и М. Исаевой.

преподаватели кафедры
ной истории Кем
государ

На снимке: работа художника
ЧЕНКО «Венчание Ф.
М. Исаевой».

Фото А. О

